Наруто свалился на землю, словно потеряв все кости, ощущая каждой своей частью… ничего плохого, на самом деле. Его нервы уже давно прекратили попытки передавать информацию. У него было абстрактное знание о наличии тела, прямо как о его оценках на Экзамене на Чуунина, или о невыносимо милой улыбке Хинаты. Джирайя бы наверняка сказал ему, есть ли у него всё ещё конечности, если бы у Наруто хватило энергии спросить.

Наруто читал, что полное истощение чакры было инвариантно смертельно. Поскольку его нынешний уровень чакры был определённо отрицательным, он предположил, что стал каким-то видом нежити.

Он явно не был скелетом, поскольку только что бескостно свалился на землю.

Он не жаждал мозгов, хотя тут и напрашивалась шутка о том, что это потому что единственным человеком вокруг был Джирайя.

Вурдалаки больше ели мертвых, чем живых, так что это было возможно. Хотя нет. Вурдалаки это не круто. Забыли.

Вампиризм, с другой стороны, был бы прекрасен. У вампиров была куча разных суперсил. Только если это не «подпрыгивающий» вампир, естественно. Это была бы просто стыдоба. Забыли вампиров.

Призраки — тоже вариант. Достаточный выбор разных типов призраков, некоторые прям очень крутые. Но у него всё ещё было физическое тело (предположительно), так что он не слишком на это рассчитывал.

А вот личи… Бессмертные (причем, реально бессмертные, не просто неумирающие), магические силы, низшая нежить в подчинении (здесь где-то наверняка должна быть такая, или он всегда мог создать их себе сам), никаких недостатков… Да, с этим можно работать.

Нет, стоп. Значит ли это, что его чакра всегда будет отрицательной? И он больше никогда не будет способен на ниндзюцу? И придётся потерять Стиль Узумаки? И он будет улепётывать от Хинаты каждый раз, когда она будет рядом использовать Бьякуган?

Очевидно, тут надо серьёзно подумать.

— Эй, парень, ты там живой вообще?

— …Возможно?

— Хороший ответ, — Наруто услышал, как Джирайя улыбнулся, что было свидетельством того, какое количество мучений он перенёс от рук этого человека за последний месяц.

— «Ага» бы показало, что ты старался недостаточно, и тебе нужен ещё раунд. «Нет» бы значило, что у тебя достаточно энергии, чтобы дерзить, что бы показало, что ты старался недостаточно, и что тебе нужен ещё раунд.

— Так что, как твой учитель, официально объявляю, что твоё обучение окончено. Ты выучил всё, чему мне не лень было тебя обучать.

Джирайя лег на траву рядом с ним, и широко зевнул, словно это он делал всю работу.

— Эй, парень, — спросил он некоторое время спустя. — Что ты видишь, когда смотришь туда

наверх?

Наруто послушно посмотрел вверх в ночное небо. Не то чтобы у него был выбор, учитывая, что он лежал на спине без всякой энергии на движение.

— Ну, Извращённый, вот эта штука — облако. Первый признак этого — то, что оно не падает на нас.

Наруто услышал вздох.

— Я тут вообще-то пытаюсь создать момент связи учителя и ученика, парень. Ты уже завтра уезжаешь, так что времени получше уже не будет.

Хм. Джирайя и правда пытался построить с ним связь. Что бы это не значило. Учитывая, что Наруто вряд ли вернётся в ближайшее время (Рассенган мог подождать, его превосходная новая техника была уже на пределе того, с чем могли справиться его резервы чакры), он не мог сразу придумать того, чего бы мог добиваться Джирайя, манипулируя им здесь и сейчас.

— Ты получил свою изнурительное и бессмысленно жестокое обучение. У тебя был глубокий метафизический прорыв, который наставил тебя на путь получения крутых сил в будущем. Ты выучил по пути новую технику — по крайней мере, насколько это известно твоим соперникам дома — так что в первый раз, когда ты её используешь, это будет очень драматично, и никто не будет знать, как ей противостоять. И вот теперь ты получишь момент связи учителя и ученика. Только постарайся не переусердствовать, на случай, если собираешься пойти по клише «гибель ментора».

Наруто рассмеялся:

— Ничего не обещаю.

Но что дальше? Выстраивание связи просто так — что-то, чего Наруто не мог понять. Джирайя был авторитетной фигурой, что помещало его в один ряд с Хокаге и Ирукой-сенсеем (хотя он бы никогда и не понял, какая это честь — быть в одном ряду с ними двумя). На протяжении многих лет у него не было ничего похожего на по-настоящему персональный разговор с любым из них, не считая того необходимого противостояния после Волны. Ближайшее похожее на это было с Какаши-сенсеем, который приложил усилия, чтобы быть туманным — и, будучи ограниченным пониманием этого понятия только из фантастических произведений, Наруто был точно уверен, что такая связь требует усилий с обоих сторон.

Хината? Единственный человек, которому он по-настоящему верил. Возможно, единственный человек, которому он когда-либо будет по-настоящему верить. Подходила ли она сюда? Они обменялись некоторыми очень личными фактами (хотя Наруто всё еще хранил секреты размером с башню Хокаге от неё, пока она избегала с равной решимостью любых обсуждений её домашней жизни). Он надеялся, что когда-нибудь они смогут поделиться большим.

Джирайя не был Хинатой. Они знали друг друга около месяца. У них не было никаких намерений держаться за руки — и на этом месте он прекращает эту аналогию, потому что ему не нравится, куда это идёт. И всё же, Джирайя, у кого был почти настолько же нерушимый оплот, как у Наруто, иногда позволял нескольким частям своей брони приоткрыться, особенно когда это касалось родителей Наруто или Тройки. И хотя можно манипулировать людьми, переплетая правду и ложь между собой, какая-то часть Наруто хотела верить, что персональный ученик Старика Хокаге, учитель его отца, и друг его матери, который относился к Наруто в девяти случаях с легкой насмешкой и в одном — со сдержанной привязанностью,

был человеком с сердцем чуть менее чёрным, чем у большей части взрослых, что встречал Наруто.

— Просто скажи, что у тебя на уме, — сказал Джирайя. — Как писатель, я могу тебе сказать, что лучшие части получаются по наитию.

— Хм, — хмыкнул Наруто. — От тебя это звучит как-то просто.

Он продолжил заниматься своим запланированным занятием смотрения в небо — то есть, продолжил держать глаза открытыми.

— Это небо… Не то чтобы я его никогда раньше не видел, — сказал Наруто. — В некоторых из мест, где я жил, были огромные дыры в потолке. Даже в тех, где их не было, иногда лучше смотреть вверх, чем смотреть вниз и видеть мир, в котором мы живем, не так ли?

Джирайя, кажется, кивнул, но всё, что мог услышать Наруто — тихое движение травы.

— Не знаю, правда, лучше ли там, или просто по-другому, — задумался Наруто. — На вид там очень холодно и пусто. Что бы там ни было, оно бесконечно далеко, и независимо от того, насколько я крут здесь, на этой шкале я как будто бы вообще не существую. Так что, похоже, и правда лучше смотреть вниз. По крайней мере, у Земли есть рамен.

— Я когда-то думал примерно так же, — признался Джирайя. — Не о рамене, о других вещах. Особенно когда те двое меня оставили, и казалось, что холодно и пусто здесь. Почему герой войны стал великолепным автором бестселлеров? Потому что иногда всё, что у тебя остаётся — фантазии.

Это заставило Наруто задуматься. Он понимал, что прошлое Джирайи не выстлано розами — у него были люди, которые его любили, и тем не менее покинули его — но внезапно он обнаружил, что сочувствует ему, и что-то в этом было нереальное. Тот факт, что Джирайя понимал то состояние, когда реальному миру было нечего тебе предложить, и всё, что ты мог сделать — это погрузиться в истории, где другие люди были счастливы…

— Но знаешь что, Наруто?

Наруто наполовину подозревал, что процесс связи был уже окончен. То единственным момент искренности о себе был уже сам по себе намного большим, чем могли предложить многие взрослые, и уж точно намного большим, чем обычно желали от него.

— Что?

— С тех пор, я путешествовал по миру очень долгое, долгое время. Мне нравится думать, что я видел лучшее и худшее, что может предложить человечество. И как ты думаешь, что теперь я вижу, глядя наверх?

Наруто попытался помотать головой, не сумел, и решил, что легче отнестись к этому вопросу как к риторическому.

Голос Джирайи стал более отстранённым, но в то же время и более тёплым.

— Я вижу, что как бы холодно и темно там не было, здесь на Земле есть любовь, надежда, и жажда узнать больше и стать большим, чем ты есть. Когда-нибудь, мы найдём способ протянуть всё это в бесконечную бездну космоса, неся нашу человечность, как факел,

зажжённый в домашнем очаге. И с того дня, не будет так важно, насколько далёкими кажутся звезды и насколько слабым кажется их свет, потому что наши потомки будут теми, кто разгоняет тьму.

***

Был уже полдень во владениях Клана Инузука, и Киба лениво лежал на траве частного тренировочного полигона, закончив свои дневные обязанности. Рядом с ним одобрительно свернулся Акамару.

Послышалось рычание Барбароссы, которая нежилась на солнышке около главного входа в здание, и наверняка ей не понравилось то, что её потревожили.

— Могу ли я получить разрешение войти?

Киба вскочил на ноги. Только один человек мог заботиться о формальностях в такой прекрасный солнечный день.

— Я позволяю, — сказала Барбаросса, положив голову обратно на лапы. — Только веди себя хорошо.

Барбаросса была одной из самых терпеливых Инузука. Всё таки, она же была матерью Акамару и мачехой Кибы. Если бы она не смогла с давних пор научиться терпению, как у святых, она бы уже давно свихнулась. (Кроме того, он уже перестал пытаться объяснить Шино, почему технически Акамару выше него по рангу.)

Шино склонил голову в благодарном жесте, и затем прошел мимо неё на полигон.

— Эй, Шино, — позвал Киба. — Продолжай в том же духе, и станешь частью стаи так скоро, что даже глазом не успеешь моргнуть.

Позади Шино Барбаросса тихонько фыркнула.

— Ага, удачи.

Кусочек за кусочком, Киба вытянул из Барбароссы, что у неё смешанные чувства по поводу Шино. С одной лапы, он был хрупок, не уверен в себе и пассивен — классические свойства животного-жертвы. С другой лапы, он высказывал ей должное уважение, он заслужил лояльность множество раз, и у него хватало смелости возвращаться снова и снова, независимо от количества раз, когда Киба рвал его в клочья. Барбаросса хмуро соглашалась, что если Шино сможет побороть его слабости и пересечёт Великий Раздел между охотником и добычей, она бы смогла, в своё время, рассмотреть его как кандидата в стаю. Киба ничего из этого не говорил Шино, чтобы такая безумная похвала не затмила ему взор.

— Это ты! — прогавкал Акамару. — Мы снова будем играть?

— Здравствуй, Акамару.

— Как дела, Шино? — спросил Киба, стряхивая с куртки остаточные кусочки травы, — Вернулся для небольшого спарринга? Твоя очередь проигрывать, знаешь ли. Свои три победы ты уже получил, теперь всё только моё.

— Наш счёт — шесть к четырём, — ворчливо проговорил Шино, — и вероятность работает не

так.

— И для ясности, — быстро добавил он, — шесть — это у меня.

Кибо закатил глаза.

— Если это успокаивает тебя перед предстоящим поражением…

Он уже начал закатывать рукава, как вдруг остановился. Что-то здесь пахло не так.

— Эй, Шино, что с тобой не так?

— Ничего важного. Нам стоить начать, — потряс головой Шино.

— Не-а! Неинтересно с тобой драться, когда ты словно в воду опущенный.

Киба знал несколько способов вывести Шино из себя, и поскольку он почти точно знал, в чём дело на этот раз (или же, в ком дело — запах этой женщины сегодня был особенно силён), он также знал, что нужно делать.

— Проблемы с девушкой, да? — подмигнул Киба. — Почему бы тебе на рассказать всё Большому Брату Кибе?

— Это не проблемы с девушкой, — отрезал Шино. — Просто у меня кое-что на уме.

Киба ухмыльнулся.

— Не бойся, уж я то знаю, как вести себя с девушками, получше многих. Дай угадаю, ты положил глаз на эту девицу Тентен, но не понимаешь, как с ней говорить, потому что никто не понимает, как с ней говорить.

— У меня нет романтических чувств к этой девушке. Я её даже не знаю! Мы не были в одной группе в Академии! Самая длинная конверсация с ней у меня была, когда она случайно села рядом со мной на обеде, и я попросил передать мне соль!

— А-га, — сказал Киба. — Ты всё ещё помнишь тот единственный раз, когда говорил с ней, больше года назад, когда она все ещё была в Академии. Если это не кричит на всю улицу «влюблённость», то я даже не знаю. Расслабься, Шино. Каждый иногда влюбляется в девочку постарше.

— Эй, — воскликнул он, словно во внезапном озарении, — у Хинаты теперь есть парень. Может, пойдём спросим у неё совета? Давай, за мной!

…

— Улучшенная Ядовитая Волна!

***

— Извращённый, вот ты всё говоришь, что ты великий мудрец, — мимоходом сказал Наруто, пытаясь засунуть коробку с заколками в итак переполненный мешок. — Это ты так выпендриваешься, или быть мудрецом и правда что-то да значит?

Джирайя кинул на него притворно оскорблённый взгляд.

— Мне не нужно выпендриваться, парень. Моя аура железобетонной маскулинности и глубокой мудрости полностью натуральна. Но раз уж ты спросил, то мудрец — это тот, кто пробудил последние учение Отшельника Шести Путей и достиг просветления.

Наруто не был убеждён. Он не знал, что такое это «просветление», но звучало непохоже, чтобы у бахвалящегося алкоголика-бабника, стоящего перед ним, оно было.

— И что же такое это просветление?

Голос Джирайи принял торжественный оттенок, который мог бы быть настоящим, или быть еще одной попыткой Джирайи протестировать его на предмет легковерности (только спустя несколько дней старикан признался, что призываемые существа не являлись мутантами, изначально созданными учёными, пытающимися воссоздать способность людей контролировать чакру силой воли путём внедрения человеческой чакры в животных).

— Нельзя рассказать, что такое просветление. Его можно только испытать самому.

Ну это Джирайя уже совсем обленился. По крайней мере, история о гениальном мастере гендзюцу оставила Наруто настолько погружённым в пазл раздумий о раздаче идеальных приказов, что он временно забыл, что по-настоящему умный человек просто приказал бы всем подчиниться.

— Если люди верят в такие фразы, — сказал ему Наруто, — то я готов оставить последнюю веру в человечество, что у меня была.

— Прости, парнишка, но это правда, — рассмеялся Джирайя. — Смотри, я объясню, что имею в виду.

— Так вот, когда я ещё был ещё в Академии, там была одна красивейшая девушка из Нара. Восхитительные чёрные волосы прям до сюда. Сияющие янтарные глаза. Ранний расцвет. Ну, в общем, ты понял. Я каждый день звал её на свидания. И вот наконец ей это надоело и она сказала мне, что встречается только с умными ребятами. Если я хотел встречаться с ней, я должен был доказать ей, насколько я умён, сдав Тест Нара честным путём, просто знаниями, без трюков.

— Что такое Тест Нара?

— Была такая угрюмая женщина из Нара, которая решила, что её детям недостаточно «всего лишь» получить такие же самые высокие оценки, как у всех, так что она потребовала специальный тест, чтобы показать всем, насколько они гениальны. Сами детишки были просто в ужасе, как ты можешь догадаться, но она была настолько неумолимо несносной, что в конце концов добилась своего. С тех пор, если Академия всё ещё это практикует, самые умные ребята иногда получают приглашение на этот необязательный безумно сложный тест. Если они его сдают, то обычно они оказываются в одной из команд, ведомых джонинами, даже если, например, их оценки по тайдзюцу хуже некуда.

Наруто, конечно же, не только никогда не получал приглашения, но даже и никогда не слышал о существовании такого теста. Он задумался, сколько же дверей было для него закрыто без какого-либо ведома с его стороны. И сколько ещё закроются в будущем.

— Ну и вот такие дела, — сказал не заметивший ничего Джирайя. — Либо доказывай, что я гений, либо никогда больше даже не смотри на неё. Но я, будучи ярым примером уверенности и отваги, принял её условия в тот же самый миг.

— Извращённый, — нетерпеливо сказал Наруто, — у этой истории есть мораль?

— Потише. Я подготавливаю тебя к важному жизненному уроку. Итак, знаешь, что она делает в следующую же секунду после того, когда я обещаю ей, что честно и без всяких хитростей пройду этот её тест?

— Ну-ка?

— До того, как я успел уйти, она становится между мной и дверью и рассказывает мне все ответы.

Наруто на секунду задумался, чтобы осознать.

— Ай.

— Да-а, — проговорил Джирайя. — Как она заполучила их, мы никогда не узнаем. Словно ниндзя какой-то. Но смысл в том, что как только я услышал эти ответы, я больше не мог использовать тест для доказательства своих умственных способностей.

— Просветление — это ровно то же самое, разве что ты не сможешь провернуть что-то хитрое, как, например, спереть заранее экзаменационные бумаги, чтобы им пришлось изменять содержимое. Как только у тебя есть ответ, ты теряешь возможность найти его тем путём, которым предполагается стать просветлённым.

Наруто почувствовал себя оскорблённым идеей теста, любого теста, в котором нельзя было победить хитростью, если ты достаточно умён для этого (тот факт, что частенько легче было сделать его обычным способом, был, естественно, неважен).

— Так почему ты вообще мне это всё рассказываешь? — спросил Наруто. — Не то чтобы я не хотел, чтобы меня называли «Великий Отшельник Наруто», пока я отращиваю свою бороду и набиваю классные татухи…

На этот моменте Джирайя уделил ему свой редкий удивлённый взгляд.

— …но ты всё ещё не убедил меня в этой идее просветления.

Джирайя вздохнул.

— Ну, во-первых, ты сам спросил. Во-вторых, ты спросил слишком рано, так что теперь я тебя предупреждаю, что ты всё ещё глупый ребёнок, который не сможет полностью это оценить.

— Ты вообще о чём, какое предупреждение? — спросил Наруто. — В какой момент этого разговора я сказал, что хочу достигнуть просветления?

— Наруто, — спросил Джирайя с несвойственной ему серьёзностью, — знаешь ли ты, кто такие "последователи рода"?

Наруто покачал головой.

— Есть род, который ведёт наследие от Отшельника Шести Путей, отца всех шиноби, через Сенджу Тобираму, через Сарутоби Хирузена, через меня, через Намиказе Минато, через Хатаке Какаши, и наконец через тебя.

— Вообще говоря, всё это тебе должен рассказывать Какаши, но Минато умер слишком

молодым и не имел шанса завершить работу, так что у Какаши полно своих проблем.

— В любом случае, ты часть рода. Но, кроме того, ты даже близко не готов, так что если тебя это сейчас не интересует, то я бы сказал, что это к лучшему.

— Я стопудово готов! — воскликнул Наруто, только потом вспомнив, что его это не заботит. Ему не хотелось, чтобы с ним вели себя как с ребёнком только потому, что Джирайя знал что-то, что не знает он.

— Вот как? — усмехнулся Джирайя. — А если я тебе скажу, что величайшие умы в истории не только сдавались через некоторое время, но и горько жалели о потраченных времени и усилиях?

Наруто открыл рот, и его губы уже сформировали слова вызова, когда он наконец, наконец понял урок, который Джирайя пытался преподать ему весь месяц. Проблема Наруто была не в том, что он думал, что умнее всех остальных. Проблема была в мыслях о том, что это всегда имеет значение.

Не недостаток интеллекта его заставил поддаться манипуляциям и промчаться через Ничейную Землю без даже завалящего полотенца. Не недостаток интеллекта привёл его к временному поеданию Гамабунтой. Точно не недостаток интеллекта подвёл его близко к гибели, или ещё хуже, унижению от рук Хьюги Хиаши. Если бы у него были другие виды мыслей, если бы он обращал внимание на то, что не имело никакого отношения к победе или поражению… Возможно, тогда ему и не нужно было бы полагаться на свой интеллект.

Была ли это другая ловушка, в которую он собирался наступить, полагаясь на чистый ум, когда всё, что ему было нужно — терпение, или прилежание, или смирение, или любые другие признаки, которые ему так сильно пыталась привить Академия, что он стал к ним относиться подозрительно по умолчанию?

Но даже если так, решил он, то он всё равно в неё вступит. Если бы он сомневался в применении своего наилучшего оружия только потому, что в данном случае это был не лучший инструмент, то он просто мог накупить кучу манги и никогда больше не выходить из квартиры.

Хотя это звучало достаточно неплохо.

Кхм. Смысл был в том, что если был какой-то образ жизни, который не приводил его к пожиранию гигантскими жабами, то он найдет его только тем же образом, каким нашёл всё остальное — креативными экспериментами и хорошей реакцией, чтобы вовремя броситься в укрытие. Он всё равно поддастся на провокацию Джирайи, но, в кой-то веки, сделает это на своих условиях.

— Я готов, — повторил он более взвешенным тоном. — Покажи мне, что можешь.

— Отлично, — сказал Джирайя. — Начнём с чего-нибудь простого. Наруто, что такое правда? Что это значит — находиться в поисках правды?

Наруто моргнул.

— А ты не начинаешь с простого, Извращённый.

— Подумай перед тем, как давать ответ, — сказал Джирайя. — Вообще, это отличный совет для любой ситуации, в которой окажешься, кроме боя, природных катаклизмов или попытки

поймать правильный романтический момент.

И Наруто начал думать. То, что поначалу казалось комплексным философским вопросом, оказалось не слишком уж сложной вещью, стоило ему только начать над ним думать, так что он даже заподозрил, что это очередная ловушка для чрезмерно умных.

Например, «небо — голубое». Насколько он знал, оно было голубым, даже если смотрящий имел проблемы с различением цветов, или имел какой-либо странно путающий цвета мозг, потому что независимо от того, что ты видел, или какие слова использовал для описания этого, небо всегда расщепляло свет определённых длин волн определённым образом. (Свойства света и его восприятия рассказывались на уроке продвинутой скрытности — Наруто не позволили на него пойти из-за оценок и потому что учителя его ненавидели, поэтому он позаботился, восприняв это как дело чести, и иронии, о том, чтобы незаметно пробраться на него.)

Или ещё, все вещи всегда падают вниз, только если не имеют очень хорошую причину падать вверх. Два плюс два равно четыре. Хокаге по стандартному календарю шестьдесят девять лет. Когда людей убивают — они умирают.

Но «поиск» правды? Звучало так, словно это должно значить что-то особенное, не просто выглядывание в окно или проверка записей о дате рождения Хокаге (каждый год, в качестве специального подарка на день рождения, Наруто целый день не выкидывал никаких штук; это возымело неожиданный эффект того, что теперь всё население листа праздновало день рождения Хокаге).

Наруто попытался оценить свои жизненные моменты сквозь непривычную линзу «поиска правды».

Команда Семь пыталась выяснить правду об экзамене с колокольчиками после того, как поняли, что выставленные условия не имеют смысла, и это сделало их первыми, кто его прошёл. Хината пыталась выяснить правду о нём, после того как он написал ей то абсолютно чёткое, но каким-то образом неправильно воспринятое послание, вместо принятия её первичной интерпретации, и это вылилось в восхитительный опыт, унёсший их в долгосрочные отношения. Пытаясь выяснить правду о действиях Корня, несмотря на многочисленные барьеры, он получил оружие для спасения Какаши-сенсея.

Он и Саске не пытались найти правду друг о друге, и приняли тривиальные объяснения. Они заплатили за это годами отчуждения. Он не пытался выяснять правду о таком слабо вероятном происшествии как ненастоящая атака на Лист, и закончилось это суицидом во имя большего блага, в которое он не верил. Не выясняя правду, стоящую за действиями Шикамару, после осознания того, что что-то не так, и продолжая идти по изначальному плану, превратило его в фигуру на доске Шикамару.

Что было бы, если бы жители деревни попытались выяснить правду о нём, вместо того, чтобы предполагать, что он сам — монстр, только потому, что содержит его? Что, если бы его однокурсники попытались бы выяснять правду о нём, вместо предположений о том, что за его клоунским маскарадом нет никакой глубины? Он даже и представить не мог, каким бы был мир.

Линза была не идеальна. Все эти вещи можно было описать другими терминами, с помощью других парадигм. И «искатель правды» звучало как титул протагониста манги, заодно с «союзник правосудия» и «защитник слабых» — бесспорно крутых, но сохраняемых обычно для драматических монологов перед битвой, когда в остальное время ты просто тихо исполнял

правосудие и защищал невинных, потому что это и ожидалось от порядочных людей с суперсилами/огромными роботами/специальными высокотехнологичными боевыми костюмами.

Но в любом случае, зависимость прослеживалась, спорить с этим нельзя. Правда, своим наличием или отсутствием, могла изменить всё.

Так каков же его ответ? И как заключить его в слова, которых от него ожидает Джирайя?

— Правда — это то, как устроен мир, — наконец сказал Наруто. — Не вижу причин усложнять далее. Ты можешь что-то о ней знать, и можешь верить во что угодно о ней, и иметь множество точек зрения на неё, но ничто из этого не есть правда. Это просто способы описания самого себя. Изменение их — просто способ изменить себя. Правде не важно, что ты делаешь. Если правда — это устройство мира, то это значит, что всё в мире — часть её, и наоборот. Единственный способ изменить правду — изменить мир.

Чем больше Наруто говорил, тем больше понимал, о чём он говорит.

— Ты можешь использовать её как маяк, потому что если ты нашёл её, то она останется навсегда. Но если ты не будешь этого делать, то ты просто будешь ходить, блуждая в тумане, и, возможно, даже понимая, что заблудился, но не зная, как выбраться, или, может, ты выбрал направление для выхода, и ты громогласно зовёшь всех следовать за собой.

Джирайя выдал неопределённое «хм-м-м».

— А поиск правды значит… желать найти её, даже если это сложно, или если перед тобой множество лжи, принять которую намного легче, или если ты боишься того, что можешь найти, или если тебе кажется, что ты её уже знаешь, но не проверил, так ли это на самом деле.

— Вот как? — задумчиво протянул Джирайя, всё ещё не высказывая никаких свидетельств того, правильно ли Наруто всё описал.

Это нервировало, словно сидение дома в ожидание результата экзамена «сдал — не сдал», или в ожидании письма из госпиталя (хотя обычно в первом случае Наруто решал всё сам для себя, и никто не заботился о его здоровье настолько, чтобы информировать его во втором).

— И как же это связано со становлением мудрецом, Извращённый? — надавил Наруто, начав задумываться, глядя на Джирайю, Какаши-сенсея и себя, не шёл ли комплектом к наследию дар непостижимости.

Лицо Джирайи стало серьёзным.

— Наруто, есть два способа становления мудрецом. Один сложен, а другой очень сложен.

— Продолжай.

— Сложный путь требует терпения, целенаправленности, смирения и самоосознания. Тебе надо потратить десятилетия на медитацию, изучения странных древних текстов и выполнения ритуалов, которые не имеют для тебя никакого смысла. Ты скорее умрёшь от старости, прежде чем достигнешь просветления.

— Хорошо… — нерешительно проговорил Наруто. — А очень сложный способ?

— Очень сложный путь тоже требует терпения, целенаправленности, смирения и

самоосознания. Но кроме того, он требует глубочайшей искренности. Этим способом ты можешь достигнуть просветления, как только задашь правильные вопросы и получишь ответы на них.

Наруто не мог не почувствовать, что словно бы упускает что-то.

— Если так можно достичь просветления быстрее, то почему все так не делают?

— Потому что глубочайшая искренность — одна из тех вещей, которые очень сложны, даже если ты специально пытаешься развить её, а многие и не пытаются. Ведь это значит задавать вопросы, и правильные ответы на них имеют силу принести надежду или отчаянье. Одним вопросом можно сломать человека или открыть ему глаза по-новому смотреть на мир. Можно изменить кого-то навсегда. И это даже до того, как взыграет сила ответов.

На первый взгляд, это звучало ровно так, как он ожидал от мудрости отшельника: очень глубокомысленно и невероятно размыто. И всё же Наруто почувствовал, что у него в голове накопилось озарение, словно единственный толчок в правильном направление приведёт его к пониманию.

— Можешь привести пример?

Джирайя пару секунд молчал.

— Ты уверен, Наруто? Как только ты ступишь на этот путь, сойти с него уже не получится.

Ещё одно испытание с неизвестными рисками и неопределённым наградами, донесённое тяжёлым голосом, к тому же усиленным контрастом с обычной легкомысленной манерой Джирайи. Если стать мудрецом значило быть постоянно таким, возможно, ему стоит присоединиться к некоторым величайшим умам в человеческой истории и пойти поискать способы получше потратить своё время. Просветление? Становление мудрецом? Всё, чего он хотел — лёгкий разговор, пока он заканчивает паковать сумки.

Время ещё было. Забыть обо всём этом. Вернуться в Лист, естественно, выиграть турнир, развивать Стиль Узумаки, пока не сможет выполнять сложнейшие миссии и взлететь до ранга джонина, и наконец принять пост и стать величайшим Хокаге из когда-либо живущих. Просто. Несложно. Никакой необходимости сворачивать с пути прямо перед началом своего квеста из-за предположительной мудрости распущенного старика.

И всё же.

Шестерёнки в голове Наруто начали вращаться без его приказа. Что это вообще значит — сломать человека одним вопросом? Звучит как безумно сильная способность, но опять-таки, что, если сломанный человек это он сам? А если Хината? Нельзя выспросить вопрос обратно, это он понял, когда узнал о Демоне-Лисе. И нельзя предугадать долгосрочные последствия такого вопроса, даже если это так же просто, как запрос на обучение.

Но если бы он мог открыть кому-то способность по-новому смотреть на мир, возможно, это бы стоило риска? Наблюдать за тем, как кто-то открывает для себя более широкую, более свободную перспективу — несравнимо прекрасное зрелище. Он вспоминал об этом каждый раз, когда видел, как Хината растёт. Да и какая у искренности альтернатива? Ложь самому себе? Нестремление выяснить правду, зная, что она есть? Наруто не мог представить себя, выбирающего этот вариант по своей воле. Он не мог представить теперь, когда этот вопрос был задан, себя, выбравшего не пойти по этому пути.

Это и был, с запозданием понял он, пример вопроса, меняющего кого-то навсегда.

— Я так выбрал, — сказал он Джирайе, пусть даже и не был полностью уверен, что именно он выбрал и что этот выбор значил. — И что мне делать теперь?

— Задавай сложные вопросы. Находи ответы. Никогда не лги сам себе.

— И это всё, что ты можешь сказать? — удивлённо спросил Наруто.

— Это всё, что тебе нужно.

Если это всё, что он получил за превозмогание своего внутреннего конфликта, то Наруто наполовину был готов попросить вернуть деньги. Хотя всё-таки Джирайя сразу и прямо сказал, что невозможно кому-то объяснить словами, что такое просветление. Если это был удобный для него способ отказаться от нормального объяснения для Наруто, ну что же, Наруто сам виноват, что не предвидел этого.

Но это не значит, что Наруто потратил время просто так.

Задавай сложные вопросы. Находи ответы. Никогда не лги сам себе. Уже прямо сейчас Джирайя пожалеет, что оставил его ни с чем, кроме этих слов, поскольку это и был тот последний толчок, который был нужен Наруто.

— Могу ли я задать вопрос, который изменит кого-то навсегда?

Джирайя прикрыл глаза, словно ища спокойствие внутри себя.

— Давай.

— Джирайя-сенсей, ты был наставником моего отца и другом моей матери. Если всё так, как ты рассказывал, то ты был для них ближе, чем кто-либо ещё в мире. И вот тогда, когда они оба умерли, оставив меня одного, без семьи, в деревне, где меня все ненавидели…

— Где ты был?

http://tl.rulate.ru/book/28554/1784057